

THEODORE
DREISER

Sister
CARRIE

SISTER CARRIE

By
Theodore Dreiser

MOSCOW
FOREIGN LANGUAGES PUBLISHING HOUSE

1958

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

СЕСТРА КЕРРИ

На английском языке

Редактор *Л. Касаткина*

Издательский редактор *Г. Лернер*

Художественный редактор *В. Камкина*

Технические редакторы *М. Сафронович* и *А. Фирсова*

Подписано к печати 17/X — 1958 г. Формат 84×108^{1/32}

Бум. л. 8 — 26,24 печ. л. Уч.-изд. л. 28,89.

Заказ 406. Цена 12 руб. 10 коп. Тираж 23 000

Типография «Кошут», Будапешт

CONTENTS

Chapter	Pag
I. THE MAGNET ATTRACTING: A WAIF AMID FORCES	19
II. WHAT POVERTY THREATENED: OF GRANITE AND BRASS	28
III. WE QUESTION OF FORTUNE: FOUR-FIFTY A WEEK	34
IV. THE SPENDINGS OF FANCY: FACTS ANSWER WITH SNEERS	44
V. A GLITTERING NIGHT FLOWER: THE USE OF A NAME	56
VI. THE MACHINE AND THE MAIDEN: A KNIGHT OF TO-DAY	63
VII. THE LURE OF THE MATERIAL: BEAUTY SPEAKS FOR ITSELF	76
VIII. INTIMATIONS BY WINTER: AN AMBASSADOR SUMMONED	87
IX. CONVENTION'S OWN TINDER-BOX: THE EYE THAT IS GREEN	94
X. THE COUNSEL OF WINTER: FORTUNE'S AMBASSADOR CALLS	101
XI. THE PERSUASION OF FASHION: FEELING GUARDS O'ER ITS OWN ..	110
XII. OF THE LAMPS OF THE MANSIONS: THE AMBASSADOR'S PLEA	120
XIII. HIS CREDENTIALS ACCEPTED: A BABEL OF TONGUES	128
XIV. WITH EYES AND NOT SEEING: ONE INFLUENCE WANES	137
XV. THE IRK OF THE OLD TIES: THE MAGIC OF YOUTH	144
XVI. A WITLESS ALADDIN: THE GATE TO THE WORLD	156
XVII. A GLIMPSE THROUGH THE GATEWAY: HOPE LIGHTENS THE EYE .	164
XVIII. JUST OVER THE BORDER: A HAIL AND FAREWELL	173
XIX. AN HOUR IN ELF LAND: A CLAMOUR HALF HEARD.....	178
XX. THE LURE OF THE SPIRIT: THE FLESH IN PURSUIT	191
XXI. THE LURE OF THE SPIRIT: THE FLESH IN PURSUIT	199
XXII. THE BLAZE OF THE TINDER: FLESH WARS WITH THE FLESH	203
XXIII. A SPIRIT IN TRAVAIL: ONE RUNG PUT BEHIND	215
XXIV. ASHES OF TINDER: A FACE AT THE WINDOW	226
XXV. ASHES OF TINDER: THE LOOSING OF STAYS	231
XXVI. THE AMBASSADOR FALLEN: A SEARCH FOR THE GATE	236
XXVII. WHEN WATERS ENGULF US WE REACH FOR A STAR.....	247
XXVIII. A PILGRIM, AN OUTLAW: THE SPIRIT DETAINED	258
XXIX. THE SOLACE OF TRAVEL: THE BOATS OF THE SEA	268

XXX. THE KINGDOM OF GREATNESS: THE PILGRIM ADREAM	281
XXXI. A PET OF GOOD FORTUNE: BROADWAY FLAUNTS ITS JOYS	288
XXXII. THE FEAST OF BELSHAZZAR: A SEER TO TRANSLATE	298
XXXIII. WITHOUT THE WALLED CITY: THE SLOPE OF THE YEARS	311
XXXIV. THE GRIND OF THE MILLSTONES: A SAMPLE OF CHAFF	320
XXXV. THE PASSING OF EFFORT: THE VISAGE OF CARE	329
XXXVI. A GRIM RETROGRESSION: THE PHANTOM OF CHANCE	339
XXXVII. THE SPIRIT AWAKENS: NEW SEARCH FOR THE GATE	349
XXXVIII. IN ELF LAND DISPORTING: THE GRIM WORLD WITHOUT	357
XXXIX. OF LIGHTS AND OF SHADOWS: THE PARTING OF WORLDS	367
XL. A PUBLIC DISSENSON: A FINAL APPEAL	378
XLI. THE STRIKE	387
XLII. A TOUCH OF SPRING: THE EMPTY SHELL	403
XLIII. THE WORLD TURNS FLATTERER: AN EYE IN THE DARK	413
XLIV. AND THIS IS NOT ELF LAND: WHAT GOLD WILL NOT BUY	421
XLV. CURIOUS SHIFTS OF THE POOR	430
XLVI. STIRRING TROUBLED WATERS	445
XLVII. THE WAY OF THE BEATEN: A HARP IN THE WIND	456
КОММЕНТАРИЙ	473

SISTER CARRIE

By
Theodore Dreiser

MOSCOW
FOREIGN LANGUAGES PUBLISHING HOUSE

1958

Предисловие И. Дубашинского
Комментарий Д. Животовской и Е. Зелтынь

Художник Е. Голяховский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теодору Драйзеру (1871—1945) было приблизительно столько же лет, сколько героине его романа «Сестра Керри», когда он, подобно ей, впервые увидел сверкающий огнями, большой и шумный Чикаго. Юноша, прибывший из провинции, был полон надежд, мечтал об успехе и славе.

Много лет спустя, в автобиографической «Книге о самом себе» (“A Book about Myself” — 1922) Драйзер признал, что непосредственное соприкосновение с действительностью заставило его уже вскоре после приезда в Чикаго более трезво судить о своих возможностях, о возможностях многих молодых американцев — искателей счастья.

Возчик в прачечной, сборщик квартплаты, мелкий агент мебельной компании — таковы были его прозаические профессии, отнявшие много сил и не принесшие ни удовлетворения, ни материальной обеспеченности. Неожиданно Драйзеру повезло. В 1892 году его зачислили репортером «Чикаго дейли глоуб». Прошло около десяти лет журналистской работы в Сент-Луисе, Кливленде, Питтсбурге, Нью-Йорке... И только после многократной проверки своих жизненных наблюдений Драйзер публикует первый роман «Сестра Керри» (“Sister Carrie” — 1900).

Эту книгу с большим трудом удалось продвинуть в печать с помощью известного уже тогда писателя Фрэнка Норриса. Но тут же против романа и против романиста выступили официальные круги США. Издательство сняло книгу с тиража. Это было начало жестокой войны правящих классов США против Драйзера, войны, которая, как об этом свидетельствуют последние литературоведческие труды, изданные в США, не прекращается и после смерти писателя.

В штыки был встречен и вскоре после выхода в свет запрещен роман «Гений» (“The Genius” — 1915). С открытой неприязнью буржуазная печать отзывалась об «Американской трагедии» (“An American Tragedy” — 1925).

И если отбросить частности, то можно без особого труда найти какой-то общий доминирующий мотив у всех, кто давно воюет или

сейчас только начал борьбу против Драйзера. Автор «Сестры Керри» не устраивал законодателей американских литературных вкусов тем, что наотрез отказался двигаться в фарватере официальной морали.

На Драйзера не действовали клеветы и угрозы, безрезультатны оказались и посулы. Романом «Сестра Керри» он начал наступление на мир несправедливости и продолжал его до последних дней жизни. Писатель не был одинок — горячие симпатии миллионов читателей в разных странах окрыляли его, придавали ему силу, когда приходило отчаяние, когда натиск противников мог сбить его с демократических позиций.

Драйзер прошел извилистый и сложный путь поисков социального идеала и своего места в обществе. Каков же конечный пункт эволюции писателя? Логика жизни привела его в ряды американской компартии, он стал преданным другом советского народа, с восхищением следил за героическим движением нашей страны к коммунизму.

...Тогда, на заре века, молодой художник только еще вышел на старт. Социалистические идеи, ставшие в годы зрелости его путеводной звездой, были ему еще неизвестны. Он не знал, почему так много зла и горечи в жизни, как проложить дорогу к счастью людей.

Но в оригинальной манере его письма, в постановке и разрешении острых проблем человеческого существования с самого начала выступали черты реализма. С первых творческих шагов художника у него обнаруживалась та твердость в суждениях и та смелость в лепке образов, глубинные истоки которых надо искать в «мнениях народа».

Автор романа «Сестра Керри» скрупулезно выписывает детали биографии своей героини, тщательно выписывает образы регистрирует факты ее жизни: встречи, впечатления, интересы. Редко Драйзер отвлекается от характеристики центрального персонажа. Вместе с тем, если внимательно вчитаться в произведение, то постепенно приходишь к выводу, что писатель создал не просто биографическое повествование, а настоящий социальный роман. Жизнь героини он рассматривает в связи с общественными и бытовыми условиями, в которых она находится. И характер ее выявляется в сложном взаимодействии с людьми, близкими ей и далекими, чуждыми.

Основная линия сюжетного развития в романе — история Каролины Мибер. Но при всей своей значительности, она не исчерпывает содержания книги, отличающейся широтой жизненного охвата. Картина, нарисованная Драйзером, — многоцветна, в ней есть различные оттенки, освещенные более или менее ярко человеческие фигуры, соответственно располагающиеся на первом или на втором плане.

Художественные средства автора подчинены осуществлению главного творческого замысла: всмотреться в реальную жизнь, исследовать и показать, как близко рядовой американец подходит к тому,

что в США часто называют счастьем, к исполнению своей заветной мечты о лучшей жизни.

Автор заставляет малоопытную и неискушенную Керри погрузиться в водоворот чикагской жизни. Вырвавшись из провинциальной глуши, героиня на первых порах попадает в среду, мало чем отличающуюся от той, какая окружала ее с детства. Она видит, как беспросветно тягостна и сера жизнь ее сестры Минни — жены рабочего. Затем девушка на себе испытывает удары безработицы, нужду. Работа у конвейера выматывает все силы Керри, но она вынуждена дорожить своим местом. Такова действительность, таково «счастье» многих людей из народа, притянутых «городом-магнитом».

Драйзер не ставил себе задачей создать всеобъемлющую картину жизни рабочего люда Чикаго. Но даже в тех стремительных набросках, какие сделаны им для более полного раскрытия биографии Керри, выявляются одновременно бесстрашие реалиста и демократизм художника, встревоженного трагической судьбой народа.

Дорогой ценой вырывается Керри из цепких объятий нищеты. Однако от этого ничего не изменилось в обществе, в Чикаго все остается по-прежнему. И не только в Чикаго. Автор пронизывает весь роман изображением народных бедствий, хотя судьба главной героини более или менее ограждена от горестных неожиданностей, — вначале корыстной щедростью любовника, а затем солидным гонопаром известной актрисы.

Вот счастливая и беспечная Керри в опьянении первой любви бродит с элегантным Герствудом по многолюдным улицам Чикаго. Внезапно по ее лицу пробегает тень: ее взгляд остановился на измученных непосильным трудом рабочих, мимо которых двигалась толпа праздных людей, искавших веселья и радостей. Социальный контраст вырисовывается только лишь в небольшом «кадре», даже не в сцене, но этого достаточно, чтобы у внимательного читателя создалось правильное восприятие большого города и правильное понимание дотоле неведомых ему граней характера Керри.

Наиболее напряженный момент в развитии социальной темы — стачка нью-йоркских трамвайщиков. Крупными мазками в нескольких эпизодах раскрыта энергия протеста тех самых людей, которые наивной Керри всегда казались такими бессильными и забытыми. Картина классовой борьбы непосредственно не связана с биографией героини романа. Но она не случайно включена автором в роман. Ее предназначение, главным образом, состоит в том, чтобы углубить сюжетную линию, связанную с образом Герствуда. Вначале характер этого человека вырисовывается в его конфликте с женой Джулией и в любви к Керри. Автор объясняет разрыв Герствуда с женой тем, что эти люди жили различными интересами. Жена делала все возможное, чтобы супруг был привязан к дому. И чем больше она ревновала и шпионила за Герствудом, чем больше она брюзжала, тем яростнее

удалялся он от нее. И только любовь к Керри побудила Герствуда окончательно порвать с женой. Но лишившись работы, материального благополучия, семьи, связей, он не обрел счастья с Керри; стал ненужным человеком; терпел унижения и страдал; голодал, не имел крова, был одинок.

Однако безысходная деградация Герствуда теряет черты трагизма, когда этот опустившийся человек, сочувствуя забастовщикам, становится все же штрейкбрехером. С одной стороны — стачечники, борющиеся за хлеб и свободу, полные уверенности в своей правоте; с другой — жалкий Герствуд, ставший на их пути — воплощение беспринципности, безволия, обреченности. Контраст передан резкими красками.

Герствуд, в котором автор раньше раскрыл нежелание честно преодолевать препятствия, получает в этих сценах еще более острую характеристику.

Это и есть настоящий реализм; жизнь человека соотнесена с событиями и общественными конфликтами, а не замкнута кругом сугубо личных дел и историей интимных отношений. Разумеется, такое соотнесение может быть сделано писателем не только в форме конфликта героя с народной средой, как это имеет место в биографии Герствуда, или слияния героя с борьбой масс. Оно может быть опосредствованным. Так, волнующая нас личная трагедия далекой от народа Анны Карениной обусловлена действиями социальных сил и традициями, которые противостоят интересам народа, прогрессу России.

Надо в полной мере оценить новаторство и смелость молодого Драйзера, не побоявшегося вторгнуться в сферы социальной борьбы. А между тем, некоторые факты говорят о том, что и в настоящее время в Соединенных Штатах делаются попытки затушевать социальную направленность произведений Драйзера.

В 1950 году по роману «Сестра Керри» был сделан фильм. Постановщик его Уильям Уайлер, известный нашему зрителю по картине «Лисички», в фильме «Керри» не нашел нужным воспроизвести полные драматизма финальные эпизоды из жизни Герствуда. Голливуд дал американскому зрителю только сцены частной жизни Керри.

Вместе с тем, писатель, как об этом свидетельствует не только роман, но и переписка Драйзера, придавал большое значение последнему этапу жизни Герствуда. Обращаясь к драматургу Джону Говарду Лоусону, автор «Сестры Керри» отмечал:

«Одной из основных тем книги — именно основных — в действительности является умственная и социальная деградация Герствуда».¹

...Теперь необходимо вернуться к образу Керри, чтобы полнее оценить реализм раннего Драйзера.

¹ Masses and Mainstream, December, 1955.

В обществе людей обеспеченных, людей равнодушных к страданиям бедняков Керри не считала себя чужой. Она быстро осваивала нравы буржуазной среды, ее тяга к «прекрасному» чаще всего прозаически выражалась в жажде роскошной жизни, а понятие счастья в ее сознании отождествлялось с обеспеченностью. Надо полагать, что подобной ограниченностью отчасти можно объяснить унижительное сожительство Керри с коммивояжером Друэ, человеком, которого она не любила. Но только отчасти. Наша критика не раз односторонне характеризовала образ Керри, видя в ее любовных связях одно лишь выражение все углублявшейся аморальности героини, ее беспринципности, желания добиться «успеха» любой ценой.

Керри, конечно, не пыталась даже устоять против напора предпримчивого Друэ. Но только ли неустойчивость девушки была тому причиной? Драйзер, оценивая достоинства героини, придерживался на этот счет другого мнения. Живой текст романа позволяет нам во многом присоединиться к авторской оценке.

Предвестьем грехопадения Керри послужила небольшая денежная сумма, взятая девушкой у Друэ. «Ей было немного стыдно от сознания, что она проявила слабость и взяла деньги»¹. Это «немного стыдно» не переросло во внутреннюю борьбу. Наоборот, Керри пошла дальше, грубо говоря, став содержанкой коммивояжера.

Драйзер отмечает, что «если бы в семье Керри были привиты высокие моральные принципы, она бы куда больше мучилась укорами совести, чем сейчас». Писатель, как мы видим, не скрывает того, что Керри предприняла неблагоприятный шаг без какой бы то ни было опоры на «высокие моральные принципы». Все это так. Но надо иметь в виду и другое. Девушка отдалась нелюбимому человеку, находясь совершенно в безвыходном положении. Работу найти было почти невозможно, сестра Минни и муж ее Гансон проявляли все большую нетерпимость к поселившейся у них девушке, которая из-за болезни лишилась места на фабрике и была совершенно без средств.

Сила Драйзера-реалиста как раз проявилась в том, что он поведение героини объяснил воздействием объективных социально-экономических факторов: «...она так нуждалась, что не радоваться помощи было невозможно». Именно страшная нужда и явилась одной (правда, далеко не единственной) из основных причин сближения Керри с Друэ. Критика часто проходила мимо этого немаловажного обстоятельства.

В Керри часто обнаруживали действительно присущий ей аморализм, но то, что она — жертва несправедливых антигуманных общественных отношений — нередко ускользало от внимания критиков.

¹ Здесь и далее цитаты будут приводиться по Собр. соч. Теодора Драйзера, Гослитиздат, М. 1951 г., том I.

Таким образом, нет сомнения, что героиня драйзеровского романа — весьма противоречивая натура. По мере развития сюжета разнообразные черты в характере Керри все время дают о себе знать.

Когда она, после разрыва с Друэ, сходится с Герствудом, то здесь мы на время становимся очевидцами того, как стремительно сокращается расстояние между людьми, искренне любящими друг друга. Ей казалось, что новый союз окажется долговечным, что ей удастся создать настоящую семью. Вскоре всякие иллюзии Керри были разбиты.

Драйзер подробно останавливается на том, как в Керри зарождалось недовольство Герствудом с первых шагов их совместной жизни. Обаяние внешности и изысканность манер Герствуда, вначале столь сильно поразившие Керри, постепенно улетучивались. А праздность его при ставших хроническими материальными затруднениях все более казалась ей неуместной. Керри не могла примириться с беспомощностью и неприспособленностью Герствуда, в результате которых, как она полагала, вновь возникала опасность оказаться без крова и без куска хлеба.

Какое-то суровое внутреннее ожесточение охватило Керри, тянувшуюся к роскоши. Оно усиливалось, а не ослаблялось после того, как ей удалось найти работу в театре. Герствуд оставался все таким же, человеком-иждивенцем. Керри удалялась от него. Наконец, тонкая нить оборвалась.

Драйзер убедительно раскрыл недовольство Керри Герствудом, но нельзя сказать, что он достаточно тщательно объяснил разрушение любви. Можно понять, почему так легко распростилась Керри с Друэ — она не любила этого человека. Труднее примириться с тем, что не лишенная человечности женщина не нашла нужным начистоту поговорить с Герствудом, которого она по-настоящему любила.

В течение долгого времени Керри наивно надеялась на то, что Герствуд создаст ей комфорт, а она будет нежиться в любезно предоставленной роскоши. Но всего этого не случилось. Керри уже привыкла быть содержанкой, и этому не в малой степени способствовал Друэ, просто-таки приучавший ее к праздности и самолюбованию. Под его влиянием неустойчивая девушка теряла «способность к сопротивлению разным соблазнам». Тлетворная бацилла иждивенчества размножалась и активно влияла на поведение Керри. У нее появились какие-то свои, особые дела и расчеты, в которые она не посвящала Герствуда. Не только опустошенность Герствуда, но также равнодушие и эгоизм Керри ускорили разрыв. Достаточно вспомнить, как Керри старательно взвешивала, что можно приобрести на ее гонорар, и как она сожалела, что известную его часть приходится тратить на Герствуда. К сожалению, Драйзер не нашел нужным за это осудить Керри.

Герствуд не принес Керри счастья, но и Керри сделала очень

мало для того, чтобы ее жизнь с Герствудом существенно отличалась от сожителства с Друэ.

Автор сочувствует Керри, полагая что она в личной жизни была достойна лучшей участи. Колоссальное внимание уделил Драйзер первому серьезному соприкосновению Керри с чикагскими нравами, ее капитуляции перед Друэ. И это не случайно. Надо думать, что, по Драйзеру, очистительная сила любви Керри к Герствуду оказалась недостаточной для того, чтобы освободить душу героини от старых наслоений, от первой порчи. Но все равно снисходительность писателя болезненно сказывается на всем романе: создается впечатление, что ранний Драйзер сам не был вполне свободен от мещанских представлений о счастье.

В финале романа писатель показывает, что Керри начинает ощущать свою неустраенность и свое одиночество. Недостижимость счастья в личной жизни — только одна из причин ее неудовлетворенности, и, может быть, не главная. Чтобы в этом убедиться, надо должным образом оценить труд и карьеру Керри в театре.

Автор романа настойчиво подчеркивает наличие художественных запросов у Керри, впечатлительность ее натуры и тягу к искусству. Когда Драйзер описывает чикагский период жизни Керри, он детально останавливается на подготовке и проведении самостоятельного спектакля, в котором Керри исполняет одну из главных ролей. Эти страницы прежде всего весьма существенны для обрисовки ее отношений с Герствудом, но они также служат как бы прологом к театральной карьере Керри в Нью-Йорке. Читатель, узнав, что Керри предложила свои услуги театральной труппе, не станет недоуменно пожимать плечами. Первый чикагский успех не только вдохновил Керри, но и побудил читателя поверить в способности молодой дебютантки.

Керри с большим душевным подъемом вошла в «новый мир». Переход от скучного безделья к напряженному труду вызвал у нее прилив сил. Автор хорошо передает состояние взбудораженности, сменившее апатию.

На первых порах Керри чувствовала дома известную скованность. После возвращения с работы она снова сталкивалась в Герствудом, а с ним она не хотела делиться своими радостями. Он же не проявлял особого интереса к ее успехам.

Но вот узел разрублен, и Керри смогла полностью насладиться радостями новой жизни. К тому же популярность ее росла, и пропорционально ей увеличивались гонорары. Фешенебельные отели, драгоценности, модные одежды, слава, поклонники — все это входило в жизнь актрисы и составляло резкий контраст недавнему прошлому, когда Керри томила в бедной квартирке, влача скучную жизнь с Герствудом. Ей удалось достичь «успеха», о котором мечтали десятки гёрлс, с которыми она раньше выступала в кордебалете.

лете. А для многих фабричных работниц (не так давно Керри была в их числе) быстрое продвижение Керри по лестнице славы показалось бы несбыточной мечтой, волшебством.

Между тем, автор романа так строит повествование, чтобы внимательный читатель не слишком обольщался головокружительным взлетом Керри. И он заставляет актрису критически оценить то, что она завоевала. Драйзер по сути дела развенчивает достижения героини, когда он непосредственно характеризует все связи ее с театром. Писатель ни разу не посвящает нас в процесс создания роли, где могли бы проявиться творческие способности актрисы. Мы не знаем, что думает о том или ином спектакле Керри, как трезво она расценивает реакцию зрительного зала. Автор упоминает о нескольких мелких новшествах, введенных Керри в трактовку одной эпизодической роли. Штрихи, найденные начинающей актрисой, были применены ею по указанию режиссера. Об оригинальности и правдивости образа не было и речи. Во всяком случае здесь трудно говорить о подлинном творчестве.

Зато крупным планом выделена материальная сторона актерской профессии, точнее, ее денежное выражение, что как раз и составляет полный контраст подлинному искусству. Градация ставок, восходящее движение по лестнице гонораров — это сильнее всего волнует Керри. Она заражается духом бизнеса, царящим в капиталистическом обществе и отравляюще действующим на искусство.

Драйзер стремится объяснить все ситуацией, создавшейся в американском театре и безвыходным положением Керри. Во многом он прав. В самом деле, что оставалось предпринять Керри — бросить работу и вновь очутиться на улице, как некогда в Чикаго? Вывод писателя совершенно ясен: каковы условия — таковы люди. Могут возразить, что люди способны изменить неблагоприятные условия жизни. Что касается Керри, то автор не наделил ее волей к преобразованию мира, и это несколько не противоречит логике развития образа и жизненной правде. Однако, с другой стороны, Керри и не настолько слепа, чтобы чувствовать себя по-настоящему счастливой, когда жизнь, даже обеспеченная жизнь известной актрисы, так однообразна и главное в ней — борьба за доллар.

Вот где источник ее одиночества. Финал звучит пессимистически. В то же время чувство разочарования, овладевшее Керри, как бы отдаляет ее от мира алчных и пресыщенных людей, с которыми у нее было немало общего, в котором ей суждено было жить и пробивать себе дорогу.

Автор романа настолько сильно взволнован новым душевным состоянием Керри, что в заключительной главе видоизменяет манеру письма, пронизывая повествование глубочайшим лиризмом. Этот лиризм выражен в прямых обращениях к героине и в авторском пророчестве, завершающим роман: «В своей качалке у окна ты будешь

одинокое сидеть, мечтая и тоскуя! В своей качалке у окна ты будешь мечтать о таком счастье, какого тебе никогда не изведать!» Сочувствие героине со стороны художника перерастает в подлинную любовь. Недостаток романа состоит в том, что Драйзер не сумел достаточно убедительно показать моральные ценности Керри и расположить к ней читателя, вызвать и у него любовь к героине.

Перед девушкой открывались две дороги. Одна вела к жизни, полной лишений, к жизни без роскоши и «красоты». Так влачили свое существование работницы обувной фабрики, так жила сестра Минни. Другая — дорога немногих — узкая, извилистая дорога привела Керри к желанной обеспеченности ценой утраты человечности. О подлинном счастье оставалось только мечтать, в жизни Керри его не нашла.

Роман разрушает иллюзию о возможности настоящего счастья для каждого американца при существующих условиях жизни.

Критический реализм Драйзера с большой силой проявляется в сложном построении образа Керри. Автор безбоязненно сталкивает героиню с трудными обстоятельствами жизни, заставляет ее поддаться соблазнам буржуазного существования, ощутить опустошительное воздействие традиционного американского образа жизни.

Помимо изображения непосредственных связей Керри с внешним миром в романе чрезвычайно широко использована психологическая характеристика, особенно анализ настроений Керри. Эти «настроения» помогают судить об отношении Керри к людям и событиям. Отсюда становится понятной характерная художественная особенность романа — почти полное отсутствие в нем развернутых диалогов.

Иной раз несколько фраз, оброненных в задушевном разговоре, рождают новые интересы, меняют настроение, о котором автор подробно и охотно пишет.

В этой связи уместно будет отметить, что персонажи второго плана — Минни, Друэ, в меньшей степени мистер Эмс, часто служат для того, чтобы выпуклее изобразить то или иное состояние Керри, ее интересы и возможности. Но этим не ограничивается их роль, ибо каждый из них самостоятельно связан с определенными жизненными условиями и людьми, олицетворяет собой целые пласты общества. А такая фигура как Герствуд приобретает все возрастающее значение в развитии действия и относится, не во многом уступая по сюжетному «весу» Керри, к фигурам первого плана. Мы уже остановились на конкретных проявлениях социальной деградации Герствуда. В данный момент уместно будет указать на то, что история падения Герствуда в сильной мере оттеняет «возвышение» Керри, подчеркивает исключительность ее пути. Композиционный прием контрастного изображения здесь служит для раскрытия противоречий действительности.

Так, из деталей вырастает многогранная картина. Человеческие фигуры вырисовываются среди каменных громад, среди полных движения улиц Чикаго и Нью-Йорка. Автор восторженно противопоставляет динамику чикагского быта сонным ритмам провинциальной жизни, приглушенно звучащим в отрывочных воспоминаниях Керри. Этот художественный прием, как уже упоминалось выше, позволяет понять лучше биографию Керри. В маленьком Колумбия-сити каждый был на виду, а здесь в Чикаго никому нет дела до Керри, ее никто не замечает. Индустриальная и экономическая мощь города-гиганта потрясает художника своей красотой, и она же подчеркивает трагическую беспомощность каждого отдельного человека. Отсюда у героини не только ощущение затерянности, но и чувство подавленности.

Нью-Йорк дан автором в несколько ином аспекте. Если контрастные краски Чикаго, несмотря на их суровость, все же восхищали Драйзера, то нью-йоркские противоречия вызывают у художника чувство острой горечи, боли. Мрачные ночлежки, вонючие трущобы, грошовые харчевни, очереди безработных за мутной похлебкой — все это очень конкретно в социальном плане противостоит фешенебельным отелям и пышно разодетым буржуа. Здесь Герствуд и сотни других людей без хлеба и без крова являются живым укором тем, кого несправедливость вытолкнула наверх, сделала хозяевами жизни. Таким образом, по мере развития сюжета, в романе усиливается критика американской действительности.

Вместе с тем, резкие очертания городских пейзажей создают тот типично американский колорит, который делает роман Драйзера произведением глубоко национальным и который позволяет глубже осознать движение человеческих судеб, ввергнутых в пучину буржуазной действительности.

Первый роман Драйзера не лишен известной противоречивости. Тогда, когда писатель стоит на позициях стихийного материализма, он делает ряд глубоких художественных обобщений. Талантливо типизированные характеры и события выхвачены писателем из самой жизни Америки конца XIX века и их изображение свидетельствует о том, что автор «Сестры Керри» был настоящим реалистом. Но некоторые авторские характеристики и особенно отступления, где сделана попытка философски осмыслить поступки героев, противоречат логике сюжета. Молодой Драйзер не всегда верно разбирался в стимулах общественного прогресса и человеческого поведения. В его мировоззрении сталкивались материалистические взгляды с идеалистическими. Отсюда в романе неубедительные утверждения об извечной борьбе желания и разума, воли и инстинкта, духа и плоти.

Человек «поступает так или иначе, то под влиянием воли, то инстинкта, ошибаясь, поправляя свои ошибки, падая и снова под-